Моск. комсомолец – 2002 – 4 декабря – с. 3

АНАТОМИЯ ЛЮБВИ

ДРУГ МОЙ, САШКА

"...Будто кто-то мне в кабацкой драке саданул под сердце финский нож".

"По Таганке ходят танки".

Лучшие Адам и Ева нашей страны.

ФОТО ИЗ СЕМЕЙНЫХ АРХИВОВ ЛЮДМИЛЫ ГНИЛОВОЙ И ИРИНЫ ПЕЧЕРНИКОВОЙ

Последняя любовь Ирина Печерникова.

Люся Гнилова ждала своего Сашку всю жизнь...

Саша приехал покорять Москву в 1969-м. Решил поступать сразу и в Щуку, и в ГИТИС.

"НАДЕЮСЬ, ЧТО ТЫ ПРОВАЛИШЬСЯ"

– такими словами напутствовал его отец, провожая в столицу.

– Соловьев очаровал всех буквально с первого взгляда. Худенький, субтильный – чистый ангел с огромными голубыми глазами, в которых светилась сама радость жизни, – рассказывает его бывший однокурсник, режиссер Театра им. Гоголя Сергей Яшин. – А тогда в ГИТИСе впервые Гончаров набирал совместный актерско-режиссерский курс. На актерский взяли всего трех мальчиков: Игоря Костолевского, Александра Фатюшина и Сашу Соловьева. Через полчаса после знакомства он уже рассказал о себе все: что сам из Норильска, хотя родился под Махачкалой, с восторгом вспоминал свой драмкружок и как мечтал в детстве стать Олегом Поповым. У него даже кепка такая же клетчатая была. На первую же репетицию по актерскому мастерству он пришел в туфлях на босу ногу. "Что же ты носки не надел?" – спросил преподаватель, увидев его задравшиеся штаны. "Да я их постирал, и они еще не успели высохнуть", – ни капельки не смущаясь, ответил Соловьев.

Вместе с Александром Фатюшиным и еще двумя студентами – алжирцем и киприотом – они жили в одной комнате, в общаге на Трифоновской.

– Не любить его было просто невозможно, – говорит Александр Фатюшин. – Такой симпатичный, отзывчивый, предупредительный. Сашка никогда никому не завидовал и если кого-то любил, то любил, и если ненавидел, то никогда этого не скрывал. Душа нараспашку, никакой дипломатии, и так всю жизнь. Если у него были деньги, он заваливал подарками, если нет – никогда не жаловался и не просил.

А на третьем курсе Сашка влюбился, и об этом тут же с восторгом поведал всему институту. Русоволосая и голубоглазая Людмила только поступила в ГИТИС и ее тоже поселили в общаге. Соловей жил на 5-м этаже, Люда на 2-м. Их называли Ромео и Джульетта.

– Все было так быстро, спонтанно. Я была у него первая любовь и первая женщина, он тоже был моим первым мужчиной, – вспоминает Людмила Соловьева. – А в мае мы уже поженились. Я была с большим животом, на шестом месяце уже. Свадьбу гуляли в буфете ГИТИСа. Было очень много народу и море цветов, и Гончаров – посаженый отец. Мне – 18, Саше – 19... Оба были такие неопытные, наивные, а подсказать нам, как жить дальше и что делать, было некому – родители у обоих далеко. Помню, как Игорь Костолевский подарил нам книжку про семейные отношения. Нам выделили после свадьбы отдельную комнатку, мы лежали на диване и вместе ее читали... А когда мы ссорились, я забирала свою подушку и уходила к себе на 2-й этаж.

Дипломный спектакль их курса – "Характеры" по Шукшину – стал не только культовым, но и историческим. Тогда впервые герои Шукшина вышли на драматическую сцену. Соловьев играл четырех абсолютно разных человек. Василий Михайлович был на премьере и ушел из театра в полном восторге. После этого спектакля он написал пьесу "Энергичные люди", а ребят пригласил сниматься в фильме "Калина красная", в массовку – все роли уже были розданы.

Своих любимых учеников – Костолевского, Фатюшина и Соловьева – Гончаров сразу после ГИТИСа позвал к себе, в Театр им.Маяковского. Он и раньше занимал их в различных постановках, а тут взял в труппу. Тогда на сцене блистали Леонов, Джигарханян, Доронина, Лазарев и Немоляева, и для трех выпускников место нашлось пока только в массовке.

Год он промаялся в Маяковке, а потом его бывший однокашник Сергей Яшин стал сманивать в Центральный детский театр.

– Я ставил там спектакль "Начнем сначала" по сценарию Нины Рудневой, и на роль главного героя – молодого озорного парнишки, почти школьника, никого не было, – рассказывает Сергей Иванович. – Я тут же вспомнил про Соловья и начал его обхаживать. Долго я его уговаривал, заманивал главными ролями – в Маяковке ему бы пришлось ждать их еще много лет. В общем, Сашка согласился. А главную женскую роль в этом спектакле играла звезда ЦДТ, очень талантливая и известная актриса Людмила Гнилова. Когда они репетировали, я говорил ему: "Саша, посмотри Люсе в глаза, там ты найдешь все чувства для своего героя". Он смотрел-смотрел ей в глаза, да и влюбился. Влюбился так, что стало ясно – просто так это не кончится. И действительно,

ОН ДОБИВАЛСЯ ЕЕ ТРИ ГОДА

В театре была верная примета: если Соловей летает от счастья, значит, Гнилова пришла на репетицию, если нет – ходит понурый. Люся была замужем, и при этом счастлива. Дочке Катюше шел шестой год. У Саши тоже был маленький сынишка – Саньке еще трех не исполнилось.

– Когда я была на сцене и он входил в зал, я чувствовала это спиной – у меня мурашки бежали по коже, – говорит Людмила Гнилова. – Через пару месяцев, на Новый год, он произносил какой-то тост и неожиданно при всей труппе признался: "Я люблю Люсю Гнилову".

"Я изменил тебе духовно", – на следующий день честно сказал он своей жене Люде. А еще через несколько месяцев сообщил, что изменил ей физически.

Их отговаривали все, умоляли не разрушать семьи. Люся была старше на 7 лет, и все думали, что это быстро пройдет. Но Саша заваливал ее цветами и, уйдя из семьи, два года ночевал в ее доме на подоконнике, между 8-м и 9-м этажами. "Я твоему ухажеру подстилку вчера дала – что он спит, как собака", – говорили Люсе утром сердобольные старушки. Он ждал ее после записи на радио и выкладывал розами всю лестницу, по которой она спускалась.

– Я знаю, что однажды Саша во дворе ждал Люсю. Недалеко от него стояли пятеро крепких мужиков, – рассказывает режиссер Владимир Мотыль. – И когда Люся прошла мимо, они сказали у нее за спиной какую-то гадость. Саша тут же взвился в воздух. Что он делал, как дрался, он сам потом так и не вспомнил. Знаю только, что двое из тех бежали в страхе, другой корчился на земле со сломанной ногой, четвертому свернул челюсть, а последнему разбил нос. Ну разве перед ним могла устоять хоть одна женщина? Да он бы у Отелло увел жену!

– Я пыталась вернуть его в семью, к Люде. Мы даже встретились все вместе и сидели решали, как же нам теперь быть. Это были настоящие муки, и я поняла, что, если мы не будем вдвоем, с кем-нибудь из нас случится беда, – продолжает Люся. – Мой муж и Люда это тоже почувствовали, и мы развелись. А с Сашей мы не только поженились, но и повенчались. В церкви, в Новороссийске, на Петра и Павла, и целый месяц жили потом на территории этого храма. А вернувшись в Москву, разменяли квартиру и вместе с Катюшей переехали в "однушку" на Савеловском вокзале. А вскоре родился наш сын Мишка. Малыш спал в 15-метровой комнатке, Катя на кухне, а Саша кушал в туалете на пылесосе. Так и жили. Что бы сейчас ни говорили про Сашу, я с ним была очень счастлива, я купалась в его любви. Когда мы разговаривали по телефону, то обязательно в конце кто-нибудь из нас говорил "три-четыре", и мы дружно кричали в трубку: "Я тебя люблю!" Если кругом было много людей, то Саня говорил, что у него в одной руке три копейки, а в другой четыре – и я понимала, что он хотел этим сказать. Он всю жизнь задаривал меня цветами. Когда были деньги, он дарил такие букеты, что они помещались только в ведро, когда не было – нещадно обрывал клумбы. Один раз даже принес домой роскошный куст шиповника – выдрал его с корнями. Саша был безумно ревнив, и если мы ехали в троллейбусе, а на меня обращал внимание какой-нибудь мужчина или даже мальчик-пионер, то мы выходили на ближайшей остановке и ждали другого транспорта. А перед премьерой, перед каждым действием он, чтобы поднять мне настроение, обязательно дарил французские духи. Они тогда только появились в продаже, и как он их доставал, я просто не представляю. И хотя мы уже больше трех лет не живем вместе, у меня их осталось очень много. Хочешь, покажу?

Мы прошли с Людмилой в комнату, и она открыла секретер – он весь уставлен новыми коробочками и флакончиками. "Я их просто не успеваю разбрызгивать", – просто пояснила Люся. В ответ она тоже дарила ему хороший парфюм, и, как шутили их приятели, Соловьева всегда можно было найти по запаху.

И Люся, и Саша много играли в театре. "Саша не был "официантом", то есть никогда не подлаживался под режиссера. В этом плане с ним, конечно, было нелегко, – считает режиссер Сергей Яшин. – Он был сотворцом и до хрипоты отстаивал свою точку зрения. Саша был не только прекрасный комический актер, но и глубоко одарен как драматический. Ему неважно было, кто сидит в зале – дети, взрослые, – он всегда выкладывался на полную катушку. Его обожали зрители. Кого бы он ни играл – закаленного комсомольца или озорного Петуха из сказки Маршака – от него шел просто невероятный заряд энергии и доброты. Его караулили, им восхищались поклонницы, а Саша спешил от них к Люсе. Долгие годы у них действительно был очень счастливый брак".

По жизни за ним прилепилось несколько прозвищ:

СОЛОВЕЙ, ВЕЗУНЧИК И ПРОБЛЕМНЫЙ

Он действительно время от времени влипал в различные истории и при этом выходил сухим из воды. Он мог позволить себе быть искренним и всегда говорил то, что думал. За это его уважали и любили. За это его ненавидели.

Идет репетиция. Режиссер носится по сцене, объясняя актеру, что он от него хочет. В зале сидит Соловьев. "Вроде бы все так делаешь, а чего-то не хватает", – кипятится режиссер. "Таланту не хватает", – невозмутимо вторит ему Соловьев.

В первые годы работы в ЦДТ актер Александр Халецкий уехал вместе с женой в Израиль. Годы тогда были диссидентские, и вся труппа очень активно его за это осуждала. И вот идет очередное такое собрание, на котором сидят самые ярые коммунисты. Песочат они Халецкого, поносят на чем свет. А мимо шел Соловьев и так полушутя-полусерьезно сказал: "Ну и правильно сделал!" Долго же его потом по партийной линии прорабатывали... И без работы в итоге остался из-за своего языка. Сказал главрежу на одной из репетиций, что так плохо работать нельзя. Вскоре у Везунчика начались большие проблемы и ему пришлось уволиться.

– Быть абсолютно независимым в актерской профессии невозможно, – уверен режиссер Владимир Мотыль. – Из актеров советского кино, помоему, это удавалось только троим: Высоцкому, Далю и Соловьеву. Я впервые увидел Сашу в каком-то телевизионном сериале, в крошечном эпизодике. "Вот он, настоящий Алеша Попович", – отметил я про себя и записал его фамилию в свой блокнот. А когда я начал снимать фильм "Лес", то тут же вспомнил про Сашу. Я был просто потрясен, очарован этим человеком. Его широтой души, бесшабашной удалью. По роли он должен был влететь в кадр на лихом скакуне, но уже на съемочной площадке выяснилось, что, во-первых, Сашу не предупредили об этом, а во-вторых, он ни разу не сидел в седле. Он отошел куда-то с тренером, пошушукался, а через час уже сидел и скакал на лошади так, как будто занимался этим всю жизнь. И вот он во всем такой – если загорелся, то горы свернет, не остановишь.

"Лес", хоть и пролежал на полке почти 10 лет, на закрытых просмотрах все же видели многие кинематографисты. И один из сценаристов "Зеленого фургона" писал Красавчика специально под Соловьева. После этого фильма о нем узнала вся страна.

– Я и раньше видел Сашу в кино, в фильме "Адам женится на Еве" он блистательно сыграл, – говорит Дмитрий Харатьян. – "Зеленый фургон" снимался в Одессе. Лето, море, солнце. У меня, у Саши да и у всей труппы был какой-то период расцвета, подъема. Эту работу все вспоминают с большим удовольствием. Мы с Сашей тогда принципиально вели здоровый образ жизни и в день выпивали по трехлитровой банке сока. Помню, Саша переусердствовал и у него даже аллергия началась. К нему туда прилетала Люся, мы спускались от киностудии к морю и готовили плов с мидиями.

А в 1991 году, до путча, Соловьев привел в Москву колонну танков. Он сам снимал фильм "По Таганке ходят танки". Народ выбегал из ресторанов и не верил, что такое возможно. Через полмесяца в Москву действительно вошли танки. Настоящие, не киношные. "Напророчил", – грустно заметил он потом.

В этот фильм он пригласил всех своих друзей: Фатюшина, Виторгана, Мотыля. Сам нашел деньги, договорился со спонсорами.

– С Сашей было очень легко и приятно работать, и хотя мы столько лет дружим, никакого панибратства на съемочной площадке не было, – говорит Фатюшин.

Фильм получился живой и хороший, но его, к сожалению, мало кто видел.

– Тогда начались большие проблемы с прокатом, – поясняет Эммануил Виторган. – Кажется, его прокрутили по телевидению всего лишь раз, да и то в неурочный час. Но я после просмотра для себя сделал тогда открытие: Саша, оказывается, не только прекрасный актер, но и хороший режиссер.

...Когда у Соловьева были деньги, гуляла вся Москва. Он врывался домой к друзьям в любое время суток, считая, что

ДРУЖБА – ПОНЯТИЕ КРУГЛОСУТОЧНОЕ

Он осыпал всех подарками, вникал в чужие проблемы и тут же пытался их решить. Если у Соловья ломалась машина, то у него сразу появлялись друзья-автослесари. Если строил дом – лесники. И вовсе не потому, что они нужны были ему по делу – просто он в каждом человеке умудрялся найти какую-то изюминку и искренне восхищался ею, рассказывая о своем новом знакомом всем. Он мог привести домой бомжа, потрясенный историей его жизни, отмыть, накормить, пристроить в больницу, а потом на работу.

– Он никогда ничего не жалел и отдавал другим последнюю рубашку, – вспоминает его друг Юрий Думчев, рекордсмен мира по метанию диска. – Однажды продал "Жигули" и за один вечер раздал всем, кто просил, две тысячи. Сашка никогда не был ни рабом вещей, ни денег. А водь после того, как его вышибли из театра, у него с деньгами было совсем плохо. Постоянной работы не было, в кино практически не снимали. На фильме "По Таганке ходят танки" его очень сильно нагрели, он ведь так ничего и не заработал. Сашка написал сам сценарий, кстати, потрясающий – про одного графа, которого папаша выгнал жить в свинарник, а он научился гениально рисовать фунты стерлингов. Он искал спонсоров и незадолго до августа прошлого года даже кого-то нашел. Вместе со своим другом Володей Турчиным они писали книгу про Льва Толстого. И он все время очень ждал и надеялся, что его позовут в театр или в кино.

Деньги на жизнь как проклятая зарабатывала Люся Гнилова. Ее голос можно услышать везде: по радио, на телевидении. Она озвучивала многие "мультяшки", ее голосами говорят все женщины в "Скорой помощи".

– Саша пытался "бомбить" на машине. Натянул шапку, чтобы не узнали, – говорит Люся. – А первый же клиент, когда полез за кошельком, спросил у него: "А что, в кино совсем ничего не платят?" Саша очень переживал, денег не взял, но больше "бомбить" не поехал. Пытался заняться коммерцией, но в итоге мы еще все время свои деньги отдавали. Не его это было! Он просто пропадал без работы. И начал выпивать. Сначала немного, а потом стало страшно. Конечно, он и раньше пил, но запойным не был.

В пьяном состоянии он был просто невменяемым. Мог подраться с друзьями, а потом жутко раскаиваться и просить прощения. И если кто-то пытался ограничить его движения или хотя бы схватить за руку, отбивался до последнего. Однажды на гастролях в Хабаровске так избил швейцара в гостинице, что тот попал в реанимацию. Както после одного такого загула он позвонил Люсе и сообщил, что женился.

– Какие-то романы во время пьянок с ним действительно случались, и я не удивлюсь, если ко мне придет какая-нибудь женщина с ребенком и скажет, что он Сашин, – с болью говорит Людмила. – Первый раз я долго не могла оправиться от предательства и унижения и даже развелась с ним. Он снова меня добивался. Так мы женились три раза. Но всегда после всех своих увлечений от приходил домой, рассказывал все и умолял его простить. "Люсенька, объясни ты этой (тут следовало очередное имя), что это все по пьяни. Что она ко мне привязалась?" – и я разговаривала с этими женщинами и даже становилась их подругой. Алкоголизм – страшная болезнь. Я знала, что я сильнее и должна ему помочь. В такие минуты покаяния мы вместе ездили по врачам, но, к сожалению, среди них было много проходимцев, и каждый раз сроки между запоями все сокращались и сокращались.

С Печерниковой он впервые столкнулся в 1969-м. Саша тогда был 17-летним выпускником норильской школы, сдающим экзамены в ГИТИС. Ирина – знаменитая актриса, красавица, звезда, а после фильма "Доживем до понедельника", где она сыграла влюбленную учительницу математики, любимица миллионов. Саша подошел к ней после спектакля и протянул цветок. Потом они столкнулись в 1991-м, в Феодосии, где у них завязался роман. А в августе 1997-го он ушел к Ире окончательно.

– Про Иру я узнала от посторонних людей, Саша впервые от меня это скрыл, – продолжает Людмила. – Я не верила, что это всерьез и надолго. Но и удерживать не стала. Знала по нашим с ним отношениям: если человек захочет уйти, его ничем не удержишь. "У тебя есть семья и дом, где тебя всегда любят и ждут", – сказала я ему напоследок. Мы прожили вместе 22 года, и

Я НИ МИНУТЫ НЕ СОМНЕВАЛАСЬ, ЧТО ОН ВЕРНЕТСЯ

Об Ирине Печерниковой ходило много слухов. Она снялась во многих фильмах, но лучшей ее ролью, ее визитной карточкой осталась картина "Доживем до понедельника". Где бы она ни работала – сначала у Гончарова, в Театре им. Маяковского, потом в Малом театре, у Царева, – про нее говорили две вещи: во-первых, страшно талантлива и, во-вторых, жуткая алкоголичка или наркоманка – тут мнения несколько расходились.

– Ира очень ранимый и хрупкий человек со своим особым внутренним миром, – говорит Генриетта, ее ближайшая подруга. – Она совершенно не приспособлена к этой жизни, даже спросить что-нибудь в магазине для нее целая проблема. Я знаю, что, когда у нее умерла мама, она проснулась на следующее утро почти без волос... Я познакомилась с Ирой в 1992-м. Ей делали пластическую операцию в нашей клинике. Ирина была в ужасном состоянии, ее часто выводили из запоев. Пить она начала давно, думаю, еще во время первого замужества, когда вместе с музыкантом-поляком уехала за границу. Через три года она вернулась, устроилась в театр. Она рассказывала мне, как после спектакля ей звонили по ночам: "Ну что, сегодня ты снова выступала? Думаешь, будешь королевой всегда? И не надейся!" Ее доводили так неделями, месяцами, пока в жутком нервном истощении она не слегла в клинику неврозов. Как сама говорила, "отбыла там два срока". Перешла в Малый театр, и пока был жив Царев, она часто играла. А как он умер, ее оттуда выжили. Ира стала очень суеверным человеком, часто ходила по бабкам. По большому счету она нигде не работает уже 7 лет. Выступала, правда, со спектаклем "Любовь до гроба" в Америке, а вернувшись оттуда, снова страшно запила. Зная о ее недуге, ей предлагали несколько раз роли наркоманок или алкоголичек, но она всегда отказывалась.

Когда рядом с ней появился Саша, многие ее подруги сначала испугались. Ирина только вышла из очередного запоя, только немного привели ее в порядок, а тут – известный на всю Москву Соловьев, страдающий тем же недугом. Так и получилось – теперь им ставили капельницы и чистили кровь обоим. Свою двухкомнатную квартиру на Тверской, напротив Главпочтамта, Ира сдавала. С Сашей они снимали квартиру подешевле. А летом вместе с Ириным отцом выезжали на дачу, в Ярославскую область. Они вместе достраивали домик, возились в огороде, а Саша по утрам ходил на рыбалку – на хариуса. Соловьева, как всегда, в деревне все обожали – он отлично готовил, даже сам в печи выпекал хлеб, делился с соседями рыбой. Там, на свежем воздухе, они оживали и забывали о своей болезни, а по возвращении в Москву все начиналось снова.

В последнее время молодые (они поженились полтора года назад) занялись обустройством собственного гнездышка. Продали квартиру на Тверской, купили просторную "двушку" на Мясницкой, а на разницу сделали хороший ремонт. Саша звонил друзьям и говорил, что осталось совсем чуть-чуть, чтобы довести ее до совершенства, и тогда уж они позовут всех на новоселье. Ирина тоже немного воспряла: начала писать сценарий по пьесам Франсуазы Саган. Она мечтала, что когда-нибудь сыграет в театре придуманную ею главную героиню.

– Когда они переехали в новую квартиру, Ира обнаружила, что кто-то им подбрасывает под половик монетки, – рассказывает Генриетта. – Она испугалась, решила, что кто-то опять хочет ее сглазить. Они с Сашей относили эти монетки в церковь. Но Ира уже не могла успокоиться и решила поехать к бабке-знахарке, чтобы та сняла порчу. 25 декабря она отправилась с утра в Калужскую область. Обещала Саше вернуться вечером, но бабка ее не приняла, и она осталась там до следующего дня.

...25 декабря Сашу видели десятки людей. Он пришел на премьеру в театр "Русский дом", где, как он надеялся, в одном из спектаклей им с Ирой предложат роль. Вечером, естественно, был банкет. Соловьев со всеми выпивал и в конце концов так наклюкался, что его вывели из зала. А потом, в половине первого ночи, в десяти минутах ходьбы от собственного дома его нашел милицейский патруль.

"ТАМ ВАЛЯЕТСЯ КАКОЙ-ТО МУЖИК, ВРОДЕ ОДЕТ ПРИЛИЧНО",

– сообщил им проходивший мимо мужчина. Его так потом и не установили. Саша лежал на снегу рядом с клумбами и с трудом говорил. "Меня не били... Отстаньте, спать хочу... Менты вонючие", – открещивался от патруля. Его подняли, подхватили под руки и повели в 68-е отделение милиции. Там он прилег на скамейку.

– Его сразу же осмотрели. Крови не было, каких-то явных ушибов тоже не обнаружили. Поискали документы – пусто, – говорит оперуполномоченный Вячеслав Данилов, искавший потом родственников Соловьева. – В отделении он был 15 минут, за ним быстро приехала "скорая" – в тот день было очень холодно, а сколько он пролежал на снегу и нет ли переохлаждения, никто не знал. На вопросы, как его зовут, он посылал всех подальше. В общем, в институт Склифосовского его забрали, записав в документах, что личность не установлена.

На следующий день Данилов приехал в Склиф, чтобы опросить "неизвестного гражданина, похожего на какого-то артиста", как отрапортовали ему дежурившие в ту ночь сотрудники. Дежурный врач разговаривать с ним не разрешил и написал бумагу, что привезенный находится в реанимации и его готовят к операции. А 1 января Саша умер.

– В этом случае обычно из больницы приходит закрывающая телефонограмма, в которой сообщается о смерти человека. Но почему-то никаких бумаг из Склифа к нам не поступило, и мы были в полной уверенности, что тот мужчина живой, – говорит Данилов. – И только 16 января, просматривая документы, вспомнили, что о нем так ничего и не известно. Я ходил на опознание вместе с дежурившим в ту ночь сотрудником. Он его узнал, а я вспомнил, что это он, кажется, играл Красавчика в "Зеленом фургоне", и позвонил Дмитрию Харатьяну.

Ирина сначала его не искала – думала, обидется, что она домой не вернулась, погуляет и придет. А когда Саша не поздравил никого с Новым годом, ей начали звонить его друзья. "Саша уехал на заработки", – лаконично отвечала Ирина. И только 6 января она обзвонила морги и пошла в Склиф. Обошла все "живые" отделения, спустилась в морг. Ей показали двух неопознанных – рабочий день заканчивался. И она, успокоенная, пошла домой. Сашу она нашла и опознала только 21 января.

– За неделю до смерти Саша уже не в первый раз приходил ко мне и просился домой. Выглядел он как-то странно, нес какую-то чушь, несветную. Я за него испугалась и, как обычно, ответила, что двери для него всегда открыты. Я говорила ему, что не жен надо менять, а разобраться в себе, взять наконец себя в руки, хоть чем-нибудь заняться... Не надо было его тогда отпускать! – клянет сейчас себя Людмила Гнилова. – А потом узнала, что за пару дней до гибели он звонил кому-то из друзей и говорил, что не хочет жить.

Ольге Борисовне Соловьевой, Сашиной ма с тех пор как сын пропал, он ни разу так и не приснился. А раньше частенько являлся во сне пок ный муж со злым лицом – как раз с таким, какое ло у него, когда он жутко напивался. Ей становил страшно, и она просыпалась. А тут после Саши похорон снова приснился ее Ваня. Он улыбался.

Вчера Мещанская прокуратура все-т возбудила дело по факту гибели Алексан Соловьева.

Душа его до сих пор остается непри янной. Друзья решили похоронить его на водевичьем кладбище. Но Ирина отказал отдать урну с прахом: "Пусть она стоит у ня на тумбочке". Финал оказался траг ским для обоих...

Елизавета МАЕТ

104